

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

в Сибири в XX веке

Выпуск 1.

Сибирская контрреволюция
в годы гражданской войны

Новосибирск
1997

Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г.

К концу лета 1918 г. на территории Сибири произошло качественное изменение военно-политической обстановки.

Во-первых, повсеместно была свергнута советская власть. Сибирская "белая" армия, разгромив отряды Центросибири, открыла путь к Тихому океану. В результате появилась возможность перебросить из Забайкалья на Урал сражавшиеся там полки и усилить натиск на московском направлении, а также наладить военное снабжение за счет запасов, имевшихся на Дальнем Востоке.

Во-вторых, в конце августа стал осуществляться переход от добровольческого принципа комплектования армии к принудительному набору. Создание массовой регулярной армии вселяло дополнительные надежды на успех и укрепляло позиции сторонников активного ее использования в воссоздании российской государственности. Но одновременно этот переход требовал резкого увеличения военных расходов и, следовательно, поиска новых, дополнительных их источников как в самой Сибири, так и за ее пределами.

В-третьих, к концу лета оказались по существу исчерпанными ресурсы центристской политики Временного Сибирского правительства, явственно обозначились пределы уступок и компромиссов, на которые могли пойти разнородные политические силы в антисоветском лагере. Это показали, с одной стороны, августовская сессия Сибирской областной думы с ее притязаниями на высшую власть в крае, а с другой – создание Административного совета Временного правительства, жесткая позиция сибирской делегации на Челябинских совещаниях 15–16 июля и 23–25 августа в преддверии созыва Государственного совещания с участием всех антибольшевистских государственных структур с целью создания единой общероссийской власти.

В-четвертых, вплотную встал вопрос о судьбе находившихся на Дальнем Востоке правительств И.А.Лаврова и Д.Л.Хорвата, также претендовавших на дежес политического "пирога".

В-пятых, в рядах военных нарастало недовольство и раздражение активным вмешательством командования Чехословацкого корпуса, инициировавшего свержение власти советов на востоке России, во внутрироссийские дела и особенно в оперативное управление частями сибирских войск.

Наконец, в-шестых, разгромленные в открытом бою леворадикалы, прежде всего большевики, с конца лета 1918 г. перешли к новой тактике. Состоявшаяся во второй половине августа в Томске первая Сибирская нелегальная конференция РКП(б) приняла решение о подготовке вооруженного восстания с целью восстановления в крае советской власти. Примерно тогда же, 28 августа 1918 г., конференция партийных советских и военных работников на ст. Урульга Забайкальской железной дороги постановила "борьбу с врагом организованным фронтом ликвидировать" и в дальнейшем перейти "к использованию всех легальных и нелегальных возможностей" против попыток "закрепить в пределах Сибири власть буржуазии и иностранного капитала" ¹.

Все это позволяет говорить о наступлении на рубеже лета – осени 1918 г. нового этапа в развитии гражданской войны на территории Сибири.

Изменение военно-политической обстановки было сопряжено, таким образом, с необходимостью решения новых задач противоборствующими силами, причем в условиях обострившихся противоречий в антисоветском лагере и усилившихся личных амбиций молодых честолюбивых политических и военных деятелей. Эпицентром назревавших событий закономерно должны были стать омские властные структуры, через которые проходили основные силовые линии внутриполитической борьбы и где накапливалась критическая взрывоопасная масса.

Между тем далеко не все лидеры сибирского антисоветского движения осознавали в полной мере переломный характер и остроту ситуации. Среди них был и глава Временного Сибирского правительства П.В.Вологодский, прибывший 29 августа 1918 г. на двухнедельный отдых вместе с семьей в с.Краснореченское Мариинского уезда Томской губернии². А тем временем фактически уже начался развал правительства, начало которому положило, на наш взгляд, письмо В.М.Крутовского П.В.Вологодскому с просьбой об отставке, написанное еще 20 августа в Томске, в дни пребывания правительственной делегации на заседаниях Сибирской областной думы.

"...Мне совершенно не по плечу мое положение министра, – откровенно писал В.М.Крутовский. – На роль высокого и ответственного организатора я не гожусь. Меня очень тяготит мое положение..." В.М.Крутовский уведомил главу правительства о том, что он в тот же день уезжает домой в Красноярск, что в Омск возвращаться больше не намерен и на этом "кончает свою высокую политическую деятельность" ³.

Можно лишь догадываться о том, что прежде всего "тяготило" члена "Сибирской Директории", министра внутренних дел. Вряд ли это была только рефлексия врача-интеллигента, оказавшегося на вершине власти. Вероятно, не в последнюю очередь, как показали последующие события и роль в них

самого В.М.Крутовского, его не устраивало поправление политического курса Временного Сибирского правительства. Но так или иначе отказ от работы в нем известного и авторитетного сибирского общественного деятеля, активно-го участника сопротивления большевизму на всем протяжении 1917–1918 гг. явился тревожным симптомом неблагополучия государственного организма, зародившегося на востоке страны.

Вслед за ним произошел другой, на первый взгляд незначительный эпизод, но, как впоследствии оказалось, сыгравший роль снежного кома, вызвавшего целую лавину, под которой впоследствии оказалась погребенной половина состава Временного Сибирского правительства. Этим эпизодом стало выступление командующего Сибирской армией генерала А.Н.Гришина-Алмазова в конце августа 1918 г. в Челябинске на банкете по случаю завершения второго совещания делегаций правительственных антибольшевистских структур Сибири, Урала, Оренбурга и Поволжья при участии представителей Чехословацкого национального совета, французской и английской миссий.

Источники содержат скудную информацию о челябинском инциденте. В воспоминаниях участников "белого" движения он выглядит следующим образом. По словам И.И.Серебренникова, "после нескольких бокалов вина генерал А.Н.Гришин-Алмазов позволил себе высказаться излишне откровенно о чехословаках и других союзниках" ⁴. Чуть подробнее пишет об этом Г.К.Гинс: "Как оказалось, Гришин-Алмазов в Челябинске, после ужина с выпивкой, возбужденный очень резкими и неприятными для русского патриота ироническими замечаниями английского консула в Екатеринбурге, бросил замечание, что "русские менее нуждаются в союзниках, чем союзники в русских, потому что только одна Россия может сейчас выставить свежую армию, которая в зависимости от того, к кому она присоединится, решит исход борьбы" ⁵.

Сам А.Н.Гришин-Алмазов три месяца спустя на заседании русской делегации во время работы Ясского совещания говорил об этом так: "Английский консул в Екатеринбурге Престон на одном из обедов... спросил, как я смотрю на участие союзников. Я ответил сдержанно: нужна, главным образом, техническая помощь. Престон телеграфировал в Иркутск, что я отзывался дурно о союзниках" ⁶.

А.Н.Гришин-Алмазов здесь явно сгладил остроту инцидента. И дело не только в умолчании относительно выпитых горячительных напитков, при употреблении которых русские офицеры, как известно, далеко не всегда соблюдали меру. Главное, на наш взгляд, заключалось в том, что сибирский командарм во время банкета в неофициальной обстановке, похоже, откровенно назвал многие вещи своими именами. Накопившиеся у российских офицеров обиды и недовольство расчетливыми и неискренними союзниками, осо-

бенно чехословаками, бесцеремонно вмешивавшимися во внутрироссийские дела, были, видимо, брошены в лицо английскому консулу. Надо сказать, что сибирские офицеры-фронтовики, участники Первой мировой войны, были вообще невысокого мнения о представителях союзников в крае, "широко занимавшихся, по словам того же А.Н.Гришина-Алмазова, спекуляциями" и являвшихся в большинстве своем "парикмахерами или учителями иностранных языков. Оскорбительным для российских военных было и их "вызывающее поведение" ⁷.

События последующих дней развивались с калейдоскопической быстротой. Обидевшийся Престон в телеграмме коллегам по дипломатическому корпусу поставил вопрос о смещении А.Н.Гришина-Алмазова с поста руководителя военного ведомства в сибирском правительственном кабинете. Консульский совет союзных держав, находившийся в Иркутске, 2 сентября 1918 г. направил министру иностранных дел Временного Сибирского правительства коллективную ноту, в которой говорилось: "Союзный консульский корпус в Иркутске осведомился, что за обедом с вином генерал Алмазов заявил союзному консулу, что Сибирь не нуждается в союзнической помощи, но, наоборот, союзники нуждаются в Сибири, как в кпоче для союзной победы, и что Сибирь не нуждается больше в чехах – они могут уходить... Мы, нижеподписавшиеся, считаем, что при таких обстоятельствах присутствие генерала Алмазова в кабинете может быть истолковано как акт недружелюбия в отношении союзников" ⁸.

В отсутствие отдохавшего П.В.Вологодского, совмещавшего посты главы правительства и министра иностранных дел, его заместитель по иностранному ведомству М.П.Головачев немедленно отреагировал телеграммой в Иркутск, где отмечалось, что слова А.Н.Гришина-Алмазова "являются собственным мнением генерала и ни в коем случае не соответствуют взгляду Временному Сибирского правительства, но, наоборот, резко ему противоречат". М.П.Головачев заверил консулов, что правительство "немедленно приступит к расследованию этого случая, после чего примет меры, которые покажут полную дружественность Временного Сибирского правительства по отношению к союзникам" ⁹.

Премьер-министр, поставленный в известность о случившемся, был вынужден прервать отдых и 4 сентября вернуться в Омск¹⁰. На другой же день состоялось закрытое заседание Совета министров, на котором присутствовали все его члены, за исключением В.М.Крутовского, и где был заслушан доклад П.В.Вологодского в связи с телеграммой и требованиями консулов. Мнения участников заседания разделились. Г.Б.Патушинский и М.Б.Шатилов однозначно высказались за отставку А.Н.Гришина-Алмазова, И.А.Михайлов

и И.И.Серебренников – против¹¹. Решающее слово оставалось за П.В.Вологодским, у которого к тому времени появились подозрительность и настороженное отношение к генералу¹². После колебаний он высказался за отставку, предопределив тем самым постановление Совета министров:

"Предложить генерал-майору Гришину-Алмазову подать прошение об увольнении от должностей командующего армией и управляющего военным министерством, а в случае его отказа уволить его от этих должностей без особого прошения и назначить на его место временно управляющим министерством военным и командующим Сибирской армией командира Степного корпуса генерал-майора Иванова-Ринова"¹³.

Уже к 11 часам вечера того же дня был передан соответствующий приказ всем частям Сибирской армии¹⁴.

Оказавшиеся в меньшинстве И.А.Михайлов и И.И.Серебренников тогда же, 5 сентября, обратились на имя П.В.Вологодского с заявлениями, в которых настаивали на пересмотре принятого постановления. Демарш иностранных консулов И.А.Михайлов расценил как "грубое и грозное покушение на суверенитет и достоинство Сибирского правительства". "Все ужасные последствия такого шага должны взять на себя лишь те члены правительства, которые за него высказались", – подчеркнул он¹⁵. Оба министра в знак протеста заявили о выходе из правительства. Прошение об отставке поступило и от Г.Б.Патушинского, правда, мотивы его были иными.

Таким образом, четверо из шести членов Временного Сибирского правительства (считая В.М.Крутовского, подавшего заявление двумя неделями раньше) отказывались от дальнейшего участия в его работе. Кроме того, в знак протеста против увольнения военного министра последовал ультиматум со стороны Административного совета "с угрозой уйти в отставку вместе со всем штатом высших чинов"¹⁶. Это было проявлением глубочайшего кризиса власти, неустойчивости правительства, не обладавшего легитимностью, а потому вынужденного опираться на вооруженную силу и укореняться в тонком поверхностном слое, состоявшем из сравнительно немногочисленных политических партий, организаций, групп. Бушевавшие в крае политические ветры грозили в любой момент опрокинуть такое правительство. Смещение же военного министра, командарма лишь до предела ослабило и без того неразвитую корневую систему власти.

Между тем А.Н.Гришин-Алмазов, стоявший у истоков антисоветской вооруженной борьбы в Сибири, внесший огромный вклад в создание Сибирской армии, был уволен без прошения и без назначения на какую-либо иную должность¹⁷. Постановление правительства не было даже доведено до его сведения. О своем смещении военный министр узнал в ночь на 6 сентября из приказа своего подчиненного П.П.Иванова-Ринова. Поэтому А.Н.Гришин-

Алмазов тотчас же обратился с заявлением к П.В.Вологодскому, уведомив последнего, что "считает себя по-прежнему командующим Сибирской армией и управляющим военным министерством". Соответствующее приказание он отправил и П.П.Иванову-Ринову¹⁸.

В эту же ночь на квартире у А.Н.Гришина-Алмазова собрались И.А.Михайлов, В.Н.Пепеляев (один из лидеров сибирских кадетов), генерал Павловский, управляющий делами Временного Сибирского правительства Г.К.Гинс с целью обсуждения возникшей ситуации и мер адекватного реагирования. По утверждению Г.К.Гинса, смещенный командарм "делал попытку призвать на помощь одну часть, но его распоряжение было перехвачено"¹⁹. В свою очередь новый командующий П.П.Иванов-Ринов отдал распоряжение об аресте А.Н.Гришина-Алмазова²⁰. Таким образом, нависла реальная угроза перерастания правительственного кризиса в вооруженное столкновение со всеми вытекающими последствиями.

На другой день, 6 сентября 1918 г., Совет министров был вынужден заслушать доклад П.В.Вологодского о положении дел в связи с увольнением военного министра и заявлением об отставке трех членов правительства (письмо В.М.Крутовского не рассматривалось). На заседании выяснилось, что И.И.Серебрянников и Г.Б.Патушинский решили взять свои прошения обратно²¹. Под давлением омских торгово-промышленных кругов и по просьбе А.Н.Гришина-Алмазова отозвал свое заявление об отставке и И.А.Михайлов²².

Последующие несколько дней были заполнены внутренней борьбой и поисками выхода из кризиса. По словам И.И.Серебрянникова, так продолжалось дня два-три. "За это время все мы переживали большое нервное напряжение. Министры Патушинский и Михайлов то подавали заявления о своей отставке, то брали их назад. Грозил совсем уйти на покой Вологодский. Казалось, что Сибирское правительство трещит по всем швам и вот-вот развалится... Необычайно сильно волновалась за эти дни и вся омская общественность"²³.

И тем не менее наихудшего сценария развития событий удалось избежать. А.Н.Гришин-Алмазов, проявив политическое благоразумие, сумел подчинить личные амбиции успеху общего дела. К тому же сменивший его генерал П.П.Иванов-Ринов, будучи одновременно агаманом Сибирского казачьего войска, многие части которого располагались в Омске и его окрестностях, оставлял своему бывшему начальнику мало шансов на успех в случае вооруженного конфликта. Сгладить остроту момента помогли также усилия И.А.Михайлова, который убедил П.П.Иванов-Ринова в необходимости воздержаться от применения крайних мер по отношению к бывшему командар-

му²⁴. Сказалось, вероятно, и отсутствие широкой популярности А.Н.Гришина-Алмазова среди кадрового армейского офицерства, поскольку в годы Первой мировой войны он командовал всего лишь артиллерийским мортирным дивизионом и имел звание подполковника, а потому его имя не могло быть таким же центром притяжения военщины, каковыми являлись имена известных российских генералов Л.Г.Корнилова, А.И.Деникина и некоторых других.

В конечном счете высшему эшелону сибирского руководства все же удалось, хотя и с большим трудом, достичь известного компромисса и отчасти восстановить утраченное политическое равновесие. Однако удар по престижу власти, и без того обладавшей, как уже отмечалось, весьма сомнительными признаками легитимности, был нанесен очень ощутимый. После этих событий Временное Сибирское правительство напоминало развалившийся, а затем наспех склеенный глиняный кувшин, для которого любой следующий толчок мог стать роковым.

После событий конца августа – начала сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство сократилось на треть. В.М.Крутовский, отойдя от дел, пребывал до поры до времени у себя дома, в Красноярске, а Г.Б.Патушинский, не выдержав накала борьбы, 8 сентября вновь подал заявление об отставке и уехал в Иркутск.

Разразившийся кризис привел к опозданию на несколько дней сибирской делегации на Уфимское государственное совещание, открывшееся 8 сентября 1918 г. В спешном порядке пришлось изменить и ее состав. Вместо уволенного А.Н.Гришина-Алмазова и И.А.Михайлова, вынужденного остаться в Омске "в ожидании разрешения кризиса", в Уфу поехали министр просвещения профессор В.В.Сапожников и И.И.Серебrenников²⁵.

Однако куда более серьезные последствия имело возросшее влияние сибирской военщины, тотчас же предпринявшей в лице генерала П.П.Иванова-Ринова ряд мер, направленных на закрепление особой роли армии как опоры в строительстве российской государственности и охранительницы "нарастающего порядка". На другой же день после своего вступления в должность новый военный министр специальным приказом восстановил в армии "наплечные погоны защитного цвета, петлицы и кокарды для офицеров, врачей, чиновников и солдат"²⁶. Спустя неделю появился приказ о преследовании служивших у большевиков офицеров, как предателей²⁷. Были признаны действующими все приказы по российскому военному ведомству за 1915–1917 гг., в которых объявлялось о производстве в чины и о льготах офицерам, военным чиновникам и врачам²⁸.

10 сентября П.П.Иванов-Ринов обратился в Совет министров с предложением о "временном восстановлении смертной казни за некоторые тяжчайшие преступления" и о передаче таких дел на рассмотрение прифронто-

вых военно-полевых судов. Через четыре дня появилось соответствующее постановление Административного совета²⁹.

Одновременно П.П.Иванов-Ринов произвел кадровые перестановки на некоторых ключевых постах. Командующим 2-м Степным корпусом был назначен 6 сентября ординарный профессор Академии Генерального штаба генерал-майор А.Ф.Матковский³⁰. Начальником гарнизона г.Омска и уполномоченным по охране государственного порядка Омского района с 8 сентября 1918 г. стал полковник В.И.Волков³¹, человек крайне правых политических воззрений.

Легкость, с которой произошло отстранение от власти одного из столпов антисоветского режима в Сибири генерала А.Н.Гришина-Алмазова, подвигла сибирских эсеров на более активные действия с целью перераспределения в свою пользу политической власти на освобожденной от советов территории. Сделав совершенно противоположный вывод об омских событиях начала сентября 1918 г. как о "проявлении твердой власти"³², сибирские эсеры уже во второй половине сентября ввязались в острую политическую борьбу с намерением заполучить большинство мест во временном Сибирском правительстве. Однако в своеобразном "встречном бою" с правыми политическими силами они потерпели сокрушительное поражение.

Похоже, недооценил глубину, опасность кризиса и сам премьер-министр, уже 8 сентября отправившийся в длительную поездку на Дальний Восток. В начале своего вояжа он заявил, что увольнение А.Н.Гришина-Алмазова, якобы, не вызвало никаких осложнений, а сам инцидент "исчерпан окончательно и прошел совершенно безболезненно"³³.

Поверхностность суждений и выводов была присуща впоследствии и работам советских историков, обычно именовавших указанные события "конфликтом", "инцидентом" и т.п.³⁴. Такого рода упрощенная и неточная характеристика встречается и в публикациях последних лет. Так, по мнению Г.А.Трукана, "в это время реакционная часть Сибирского правительства во главе с И.Михайловым расправлялась с более демократической частью правительства"³⁵.

Проведенное нами исследование не позволяет согласиться с подобными оценками. В действительности омские события начала сентября 1918 г. представляли собой достаточно серьезный правительственный кризис, являвшийся, в свою очередь, составной частью более широкого и глубокого кризиса власти, потрясшего "белую" Сибирь осенью 1918 года.

¹ Подвиг Центросибири. 1917–1918. Иркутск, 1986, с.441.

- ² Сибирская жизнь, 1918, 6 сентября. В этих местах прошло детство будущего премьера.
- ³ ГАРФ, ф.193, оп.1, д.5, л.197. Письмо В.М.Крутовского.
- ⁴ Серебренников И.И. Мои воспоминания. т.1. В революции (1917–1919). Тяньцзинь, 1937, с.148.
- ⁵ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т.1, ч.1, с.196.
- ⁶ ГАРФ, ф.176, оп.1, д.4, л.15. Доклад А.Н.Гришина-Алмазова (в записи П.Н.Милюкова от 30 ноября – 2 декабря 1918 г.).
- ⁷ Там же, л.17. Похожая точка зрения была высказана и в докладе генерала Степанова от 17 сентября 1918 г., направленном генералу М.В.Алексееву. "Все более и более выясняется, – писал Степанов, – что союзники вступили в пределы России не ради спасения ее, а, вернее, ради своих собственных выгод. России никому не нужно..." (Пионтковский С. Гражданская война в России (1918–1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925, с.296.
- ⁸ ГАРФ, ф.176, оп.3, д.6, л.29. Документ был подписан французским генеральным консулом, американским, китайским, японским консулами и британским вице-консулом. Процитированный С.Г.Лившицем по другому источнику отрывок из этой ноты текстуально не совпадает с приведенным нами, хотя выражает ту же суть. (См.: Лившиц С.Г. Временное Сибирское правительство (июль – ноябрь 1918 г.) // Вопросы истории, 1979, № 12, с.102).
- ⁹ ГАРФ, ф.176, оп.3, д.6, л.31. Телеграмма от 3 сентября 1918 г.
- ¹⁰ Спешное возвращение П.В.Вологодского было вызвано также необходимостью командирования на Дальний Восток представителя Временного Сибирского правительства для решения вопроса о судьбе находившегося там Временного правительства Автономной Сибири, возглавлявшегося И.А.Лавровым (а до него – П.Я.Дербером).
- ¹¹ Г.Б.Патушинский и М.Б.Шатилов фактически исполнили желание эсеровских кругов и проэсеровского большинства Сибирской областной думы. Впоследствии в показаниях чрезвычайной следственной комиссии заместитель министра финансов Н.Д.Буяновский прямо отмечал, что "требования об удалении Гришина-Алмазова шли из Томска" и что "инцидент с союзниками был лишь поводом для его удаления" (ГАРФ, ф.189, оп.1, д.2, л.12). В Томске находились тогда и руководители сибирской организации партии эсеров, и большинство членов областной думы.

- ¹² Еще в июле 1918 г. П.В.Вологодский записал в своем дневнике, что А.Н.Гришин-Алмазов, якобы, "по типу своему Н.Бонапарт, но еще рано появляться "бонапартам" на сибирском горизонте" (Цит. по: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983, с.71).
- ¹³ ГАРФ, ф.176, оп.5, д.43, л.175. Журнал заседаний Совета министров Временного Сибирского правительства от 5 сентября 1918 г. И.А.Михайлов и И.И.Серебрянников не подписали это постановление.
- ¹⁴ Там же, оп.3, д.6, л.34. Телеграмма начальника штаба Сибирской армии генерал-майора П.П.Белова председателю Совета министров.
- ¹⁵ Там же, л.35, 36.
- ¹⁶ Гинс Г.К. Указ. соч, т.1, ч.1, с.198. Административный совет был создан 24 августа 1918 г. постановлением Временного Сибирского правительства в составе управляющих министерствами, управляющего делами Совета министров и товарищей (заместителей) министров.
- ¹⁷ Лишь спустя неделю было принято постановление Административного совета о зачислении А.Н.Гришина-Алмазова "по полевой легкой артиллерии с назначением состоять в распоряжении Совета министров" (ГАРФ, ф.131, оп.1, д.29, л.11. Постановление от 13 сентября 1918 г.).
- ¹⁸ ГАРФ, ф.176, оп.3, д.6, л.37. Заявление А.Н.Гришина-Алмазова.
- ¹⁹ Гинс Г.К. Указ. соч, т.1, ч.1, с.200. Сам А.Н.Гришин-Алмазов впоследствии утверждал, что он будто бы "отверг" "все предложения офицерства и войск" встать на его сторону (ГАРФ, ф.176, оп.1, д.4, л.15).
- ²⁰ ГАРФ, ф.189, оп.1, д.1, л.124. Показания И.А.Михайлова чрезвычайной следственной комиссии.
- ²¹ ГАРФ, ф.176, оп.5, д.43, л.176. Журнал заседаний Совета министров от 6 сентября 1918 г.
- ²² Там же, оп.1, д.4, л.15. Доклад А.Н.Гришина-Алмазова на заседании русской делегации в период работы Ясского совещания.
- ²³ Серебрянников И.И. Указ. соч, т.1, с.150.
- ²⁴ ГАРФ, ф.189, оп.1, д.1, л.124. Показания И.А.Михайлова
- ²⁵ Уфимское совещание и временное Сибирское правительство // Красный архив, 1933, т.6, с.64.

- ²⁶ РГВА, ф.39617, оп.1, д.256, л.32; Дерябин А. Гражданская война в России. Сибирская армия. 1918 г. // Цейхгауз, 1993, № 1, с.29.
- ²⁷ РГВА, ф.39617, оп.1, д.256, л.36.
- ²⁸ Свободная Сибирь, 1918, 29 сентября.
- ²⁹ ГАРФ, ф.131, оп.1, д.38, л.1, 4–5.
- ³⁰ Сибирская жизнь, 1918, 10 сентября. В.М.Войнов допустил фактическую ошибку, утверждая, будто на востоке России "дивизиями и корпусами, за исключением М.К.Дитерихса и М.В.Ханжина, не командовал ни один из генералов старой армии" (Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история, 1994, № 6, с.58).
- ³¹ ГАРФ, ф.189, оп.1, д.2, л.40. Показания В.И.Волкова чрезвычайной следственной комиссии.
- ³² Голос народа, 1918, 8 сентября.
- ³³ Современный момент в оценке главы Временного Сибирского правительства // Голос народа, 1918, 17 сентября.
- ³⁴ Одним из немногих советских историков, считавших события начала сентября 1918 г. в Омске кризисом правительства, был Г.З.Иоффе. Однако и он, остановившись мимоходом на характеристике этих событий, недооценил, на наш взгляд, их значимость и последствия (См.: Иоффе Г.З. Колчакская авантюра и ее крах. М., 1983, с.78).
- ³⁵ Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917–1929 гг. М., 1994, с.83.